

Лилия была довольна — она наконец-то встретила мужчину своей мечты. Перечитав гору книг и женских журналов на тему: «Как выйти замуж», старалась следовать написанному. Справедливости ради стоит заметить, что из советов, приводимых в подобных изданиях, она извлекала немалую пользу. Всегда приводила себя в полный порядок, даже выходя выносить мусор — это тоже из книжки. Вдруг суженый спрятался за мусоропроводом? А уж наряжаться на работу сам бог велел.

Он появился внезапно. В пятницу по дороге домой Лилия зашла в супермаркет. Она в раздумье стояла у прилавка с молочными продуктами, выбирая что-нибудь к ужину. Каких только вкусовностей не придумали: десерт с ягодами, шоколадный крем, пудинг, суфле. Лилия очень любила сливочный мусс, но диета не позволяла — слишком калорийный. Она еще минуту поедала глазами запрещенные продукты и взяла стаканчик с легким яблочным йогуртом.

— Вы не подскажете, какой творог лучше?

Перед ней стоял молодой человек с грустными серыми глазами.

— С орехами, как вы думаете, вкусный? — допытывался он.

Лилия сегодня была не в настроении, и ей совсем не хотелось отвечать ни на какие вопросы. С орехами или без — дело вкуса. В конце концов, есть продавец, который расскажет о товаре. Она уже собралась бросить незнакомцу что-нибудь резкое, но вспомнила главу «Где встретить свою мечту». Там говорилось, что принц может подкрасться в самом неожиданном месте, даже в магазине.

Выходить на охоту следовало в автолавки и присматриваться к покупателям, выбирающим детали для иномарок. Правда, от охотницы требовались хоть какие-нибудь познания в автомобилях, дабы ориентироваться на поляне. Можно прогуливаться по дорогим бутикам мужской одежды и быть начеку, когда появится жертва. Следует в удобный момент похвалить примеряемый костюм или предложить помощь в выборе — словом, обратить на себя внимание. Еще мужчины водятся в компьютерных салонах. Здесь можно, потупив взгляд, попросить помощи. Любой джентльмен будет рад блеснуть эрудицией, объясняя, чем отличается мышь оптическая от обычной. В этом случае есть опасность — можно нарваться на компьютерного фаната. Придется прослушать лекцию, где из человеческих слов будут лишь предлоги. Другой вариант: кавалер может оказаться настолько погруженным в мир мегабайтов, что ни к чему другому интереса не проявит. Понятно, что это — не наш клиент. Автор книги для невест не советовал искать знакомства в булочной. Туда

наверняка мужчин пинком выталкивают за хлебом жены.

Лиля улыбнулась незнакомцу и проворковала томным голосом:

— Рекомендую малиновый, он мой любимый.

Она вспомнила, они ведь уже встречались два раза, не считая дня, когда познакомились. Всегда вежливый, робкий, новый знакомый как будто боялся проявить свои чувства. Не пытался обнять, не брал за руку, целовал несмело и лишь тогда, когда Лилия подставляла щечку.

«Я ему вскружила голову, — думала довольная собой девушка, расставаясь с поклонником. — Несчастный влюбленный, он боится показаться навязчивым».

Сегодня она пригласила Юрия к себе. Ко встрече подготовилась заранее: накупила салатов, вино, фрукты. Чтобы готовка не заняла много времени, позаботилась о полуфабрикатах — замороженной гавайской смеси. Очень удобная вещь — сочетается с чем угодно.

Лиля планировала, что именно ее гость займется ужином. Она хотела, чтобы, когда они поженятся, он готовил на всю семью. Поэтому с самого начала следовало отвести ему эту роль. На тот случай, если кавалер окажется совсем нерадивым кулинаром, Лиля приобрела яйца. Уж яичницу-то приготовит даже самый безрукий мужчина.

Юрий обрадовался возможности накормить любимую. Любимая умилялась: ну до чего он славный! Предложив помощь в нарезании овощей и еще немного покрутившись рядом, тем самым

обозначив свое участие, Лилия удалилась в комнату, выстраивать свидание дальше.

Пока все шло по сценарию. Сейчас она возьмет купленный накануне альбом с репродукциями художников девятнадцатого века — вот и тема для разговора, заодно можно показать свою эрудицию. Картины подобраны как нельзя кстати. Затем их беседа плавно перетечет... Лиля мечтательно закрыла глаза.

Погрузившись в свои мысли, она не услышала приблизившихся шагов.

Он снова и снова прокручивал в голове недавние события. Перед глазами стояла улыбающаяся Лилька. Она что-то щебетала звенящим голосом, невзначай касаясь длинными пальцами его плеча. Потом это видение сменялось другим, пугающим своей необратимостью: в кресле полулежит обмякшее тело, ноги скрещены, с подлокотников свисают кисти рук.

В тот момент он смотрел на ее руки, очень боялся увидеть лицо убитой. Не поворачиваясь к ней спиной, попытился к выходу. Висела гнетущая тишина, в которой удары собственного сердца казались оглушительными. Он вытирал отпечатки и совершал еще какие-то важные манипуляции. Если бы возникла необходимость последовательно вспомнить свои действия, не смог бы — двигался машинально, как в полусне. Потом стоял в прихожей, не решаясь покинуть квартиру. В дверном глазке крошечная тьма — в подъезде нет лампочек. Это даже к лучшему. Прислушал-

ся: не слышны ли на лестнице шаги — опять забухало сердце. Безостановочно тряслись руки, а ноги несли сами.

Ко встрече с соседями он был готов, а девушка перед дверью оказалась неожиданностью. Вынырнув из тьмы, она побежала прочь. Лишь ярко-красное полотнище юбки мелькало в темноте лестничных пролетов. Уже через минуту он с удивлением понял, что девицу не догнать. Было мгновение, когда несостоявшаяся Лилина гостя находилась от него совсем близко: чтобы ухватиться за ее широкую куртку, нужно было всего на несколько сантиметров сократить дистанцию. Он уже вытянул руку, и пальцы коснулись плеча девушки, но та проворно перелетела площадку между этажами и отдалилась от своего преследователя.

Откуда взялась эта стрекоза? Все так ловко получалось, словно по маслу шло: с Лилей познакомился, легко вошел к ней в доверие и в квартиру... И надо же, так смазать конец. Непростительно расслабился от вереницы удач.

Дело грозило выйти из-под контроля. Дальше его мысли завертелись без всякого порядка, перебивая друг дружку. Воображение рисовало картины одну за другой. Они пророчили то разоблачение с неизбежным возмездием, то успокаивали золотыми горами и безмятежной жизнью.

— Из-за какой-то дуры вся работа может пойти насмарку! — Он в сердцах стукнул кулаком по стене.

«Что мы имеем? — рассуждал он. — Девка шла к Лилии, но, увидев меня на пороге, шархну-

лась, словно от чумы, и ринулась прочь. Странная мамзель. Или придурочная. Но от этого не легче. Главное, она меня видела, не могла не видеть — по подлющему закону, пучок света с верхних этажей падал на мое лицо, слепя глаза. В том, что девка и Лиля были знакомы, усомниться может только идиот. Иначе чего бы она к ней притащилась? Не из собеса же пришла или еще из какой службы. И одежда на ней нарядная, хоть и уродского покроя: куртка — мешок мешком. Почтальоны и прочие ходоки по квартирам одеваются проще. Зачем ей было убежать? С этим вообще непонятно. Бабская логика непостижима. Раз девка из круга знакомых Зимовец, значит, рано или поздно узнает о ее смерти. Скорее всего, на нее выйдет милиция, и это самое паршивое, потому как девица непременно расскажет о нашей встрече. — При мысли, что все может провалиться, его передернуло. — Этого допустить нельзя! Девчонку необходимо срочно найти. Вот только как?» — Ответ на этот вопрос к нему пришел, когда при выходе из подъезда он упал, споткнувшись о коробку.

— Икона мать! — Он уселся на ступени, потирая ушибленное колено. Его глаз остановился на тонкой брошюрке. «Методическое пособие для лабораторных работ», — прочел он на обложке. Он тут же вспомнил, как девица задержалась на этом месте. Теперь ему стало ясно: она что-то здесь обронила и пыталась найти. На первой странице зиял жирный штемпель вузовской библиотеки, в углу аккуратным круглым почерком карандашом было выведено: «Щербанова. ТОМ-01».

«Будем считать, познакомились, — удовлетворенно отметил он. — Хотя кто знает, может, эта книжонка принадлежит вовсе не ей — мало ли чего в подъезде накидано?» — Но он тут же отбросил эту мысль: другие варианты, как найти свидетельницу, напрочь отсутствовали.

* * *

Поцарапанная деревянная дверь сорок пятой квартиры в одном из домов — хрущевок по Народной улице — выделялась приклеенной к ней бумагой с казенным штампом. Полчаса назад там закончила свою работу оперативная группа. Майору Атаманову и его коллегам предстояло расследовать убийство двадцатишестилетней Лилии Алексеевны Зимовец, работавшей менеджером в торговом доме «Оникс». Убитую обнаружили в ее квартире соседи, обратившие внимание на незапертую дверь. По предварительному заключению судебного медика, смерть наступила примерно десять часов назад, то есть накануне вечером, в результате асфиксии. Опрос соседей никакой полезной для следствия информации не дал: как обычно, никто ничего не видел.

Утро в родном РУВД для Атаманова началось с оперативного совещания у начальника отдела, полковника Вениамина Михайловича Малкина, называемого его сослуживцами Михальчем. Он подождал несколько минут, пока подтянутся опаздывающие, а присутствующие тем временем обмениваются новостями. Сейчас в кабинете нахо-

дилось четверо оперативников: Саша Носов, рядом с ним капитан Шубин, напротив Шубина засыпающий после ночного дежурства Антон Юрасов, в конце стола возвышалась сутуловатая фигура Андрея Атаманова. Лейтенант Костров задерживался с оперативного задания.

Когда все сотрудники наконец собрались, Вениамин Михайлович приступил к делу. Сначала он прошелся по предыдущим преступлениям, расследование которых давно не сдвигалось с мертвой точки. Выслушал подчиненных, раздал указания. Полковник остановил взгляд на Андрее, старшем в группе. Это значило, что следующим докладывать будет именно он.

— Теперь что там у нас по убийству Зимовец? Майор Атаманов, я вас слушаю.

Андрей встал во весь свой гренадерский рост и начал доклад:

— В ходе расследования убийства Лилии Зимовец было установлено, что в квартире потерпевшей ничего не пропало, это подтвердила ее мать. Но версию ограбления отбрасывать не стоит: Мария Зимовец живет отдельно и в квартире дочери бывала не часто. Лилия в свои дела ее не посвящала. Несмотря на общительный характер, близких подруг Зимовец не имела. Приятельницы погибшей ничего существенного об ее образе жизни не поведали. Еще остается место работы Зимовец, возможно, коллеги смогут рассказать о ней больше. На проверку выдвинутых версий было слишком мало времени, чтобы выделить основную.

Вениамин Михайлович слушал Андрея, не перебивая. Когда тот закончил доклад, полковник

никаких распоряжений давать не стал, лишь молча кивнул, что означало согласие.

После совещания по давно сложившейся традиции оперативники переместились в кабинет Атаманова.

— Вот неделька выдалась, — проворчал Юрасов, — без выходных, работы невпроворот, а тут еще труп.

— Ты, Тоха, не наводи тоску, — заметил Костров, — надо на жизнь смотреть оптимистичней. Ты наверняка уже сейчас думаешь, что это очередной глухарь.

— Я не думаю, а знаю, — упрямо пророчил Антон.

— Довольно, — прервал их Андрей, — Мишка прав, не надо раньше времени опускать руки, но и расслабляться не стоит только из-за того, что завтра суббота.

— Для кого суббота, а для кого и серые будни, — сообщил Шубин, который по графику завтра дежурил.

— Вернемся к делу, — Атаманов попытался установить рабочий настрой, — по поводу Зимовец соображения есть?

Ответом ему была тишина. Вымотанные люди, казалось, потеряли всякую способность думать. Молчание прервал Носов:

— В «Оникс» нужно сходить, сослуживцы могут что-нибудь знать об убитой.

— Молодец, Саша, — похвалил Андрей, — твоя идея, тебе и воплощать. Остальные, — он окинул взглядом оперативников, — берем в оборот соседей, особенно пенсионерок — хоть кто-

нибудь что-то должен был видеть. Нужно еще раз потрясти знакомых погибшей, проверить записные книжки, письма, может, что-то всплывет.

* * *

Сведения о Лилии Зимовец были собраны сравнительно быстро. Оперативнику Носову удалось выяснить, что она после окончания педагогического института устроилась на работу в торговую компанию «Оникс» сначала на должность референта, затем доросла до менеджера. Жила Лилия одна с того момента, как разъехалась с матерью. Своего отца она никогда не видела.

День, когда была убита Зимовец, в «Ониксе» начался как обычно, с обсуждения новостей за чашкой кофе. Дамы, составляющие подавляющую часть коллектива, щебетали о сериалах, диетах и трюпочках. У Лилии с утра было замечательное настроение: сегодня она шла на свидание. Лилиного нового ухажера никто не видел, зато молодая женщина охотно о нем рассказывала: высокий, красивый, с изумительными серыми глазами, художник из Одессы по имени Юрий. Надо сказать, что любой мужчина, даже с самой заурядной внешностью, во влюбленных Лилиных глазах выглядел по меньшей мере Аполлоном.

Она любила мужчин, но, как правило, без взаимности. Первой любовью Лилии был Евгений Геннадьевич — отец ее подруги Кати. Ей было шестнадцать, когда она увела Евгения Геннадьевича из семьи. В семнадцать лет Лиля уже жила с ним на съемной квартире и называла его мужем. Толстый, лысоватый мужчина сорока семи лет

нисколько не смущал Лилю, она его любила или думала, что любила. Тяга юной девушки к зрелому мужчине была вызвана отсутствием у нее отца, и это была не любовь между мужем и женой, а любовь между папой и дочкой. После трех лет совместной жизни они расстались. На Лилю нашла депрессия. Евгений Геннадьевич ей надоел, он стал ее раздражать, и у нее настал такой период, когда она сама не знала, что хотела. После у Лилии часто случались романы, но они обычно длились очень недолго. Стоило только мужчине проявить к ней малейший знак внимания, как она рассматривала это не иначе как ухаживание. Если «ухажер» Лиле был приятен, тогда о бедный мужчина, так неосмотрительно подавший ей пальто или сказавший комплимент! Лиля шла на таран: приглашала кавалера на свидания, звонила ему, организовывала походы в кино. И удивлялась, когда ее избранник вдруг исчезал. А ведь у Лили такие были планы в отношении этого мужчины, целая программа на ближайшие десять лет со свадьбой, семейными праздниками и воскресными чаепитиями у родителей. Знал бы мужчина, от чего отказался, локти бы себе кусал.

Зимовец была трудолюбива, весьма начитанна, часто посещала различные общеобразовательные курсы. Но ее напористость, граничащая с агрессией, и демонстрация компетенции во всем отталкивали окружающих. Как только Лилин собеседник проявлял интерес к кино, литературе или к чему-нибудь еще, она вываливала на него все свои знания в этих областях. Лиля не слыла красавицей: маленькая, темноволосая, с мальчишеской

стрижкой. Ее фигуру можно было бы назвать стройной, если бы не излишне широкие бедра. Зато окружающие, не кривя душой, считали Лилию Зимовец честной, благородной в поступках и доброй.

Вопрос о том, не могли ли убить Лилию из-за ее профессиональной деятельности, Саша Носов задал для очистки совести.

— Кому может помешать менеджер по продажам? — грустно улыбнулась ее бывшая коллега, — И вообще, невозможно представить, чтобы у Лилечки были враги. Она была такой дружелюбной. Вот разве что излишне доверчивой.

— Надо найти этого Юрия, — произнес Андрей, выслушав Носова. — Вот что, нужно еще раз внимательно осмотреть квартиру Зимовец.

— А если художник непричастен? — возразил Саша. — Может, они в тот вечер не встречались?

— Вот найдем этого деятеля, тогда посмотрим. Поступим следующим образом, — решил Андрей. — Завтра вместе с Шубой съездите на квартиру Зимовец. Только не торопитесь, поработайте основательно. Глядишь, что-нибудь найдете.

— Обижает, Андреич. Ты меня знаешь — я зверь. А Толик еще дотошней — он, пока во все щели не заглянет, не уйдет; обои отдерет, паркет поднимет, а вещдок откопает.

— Без мародерства, — предупредил Атаманов, — имущество не портить. А насчет вещдока, согласен, уж постарайтесь.

— Ага, — весело заверил Носов, — найдем ад-

рес преступника вместе с паспортом и горой улик.

— Ищите, ищите, — махнул рукой Андрей, не обращая внимания на болтовню лейтенанта.

* * *

На последнем, пятом этаже ей не открыли. Снежана по очереди позвонила во все три квартиры — тишина. Девушке ничего не осталось, как спуститься этажом ниже, чтобы повторить свои действия. Она не случайно начала обход сверху: только на последнем этаже горел свет. На четвертом — полумрак, на третьем и втором — просто мрак — выколи глаз; первый слегка освещался светом уличного фонаря, пробивавшимся сквозь мутное окно подъезда.

Снежана остановилась на лестничной площадке четвертого этажа. Луч света падал на дверь, расположенную слева от лестницы. Поэтому только на ней можно было разглядеть номер квартиры. «45» — значилось на табличке.

«Вот и хорошо, — подумала Снежана, — позвоню сюда, и на сегодня достаточно. И так много обошла, и поздно уже: совсем стемнело».

Это повторялось почти каждый день: нервные жильцы, лай собак из-за дверей, грязные лестницы со сквозняками из разбитых окон. Бродить по чужим подъездам, да еще и в темноте, было неприятно. Снежана знала, что чем позднее вечер, тем реже люди открывают двери незнакомцам, будь то даже хрупкая девушка. Но в то же время раньше семи мало кого можно застать дома.

Пока другого выбора не было — надо же где-то

работать. Конечно, платят агитатору не ахти какие деньги, но это лучше, чем совсем ничего. Снежана должна была ходить по квартирам подшефных домов и убеждать электорат голосовать за кандидата Жабкина. Предполагались продолжительные дискуссии, жаркие споры о большой политике и приглашение на встречу с потенциальным народным избранником. Снежана халтурила. Работать на совесть не хватало никаких сил: ни физических (четыре дома за вечер — набегаешься), ни моральных (жильцы надоедливых ходок не жалуют, обругают, нахамят: нечего пороги обивать). Еще Снежана очень боялась. Заходила в подъезд с опаской, прислушиваясь, приглядываясь — нет ли подростков-наркоманов, алкаша какого или еще кого-нибудь, от кого можно ждать неприятностей. Когда звонила в квартиру, отходила от двери на безопасное расстояние. Откроют — смотрит настороженно, ноги готовы бежать. Чем встреча закончится? Заташат в квартиру, как однажды? Не откроют дверь — дух переvedет и крестик в блокноте поставит, мол, работу свою выполнила — в дверь позвонила. Пусть бригадир проверяет.

Снежана уже собралась протянуть руку к звонку сорок пятой квартиры, как дверь отворилась. На пороге появился молодой человек лет двадцати трех. Вместо того, чтобы произнести заранее заготовленную фразу, она отстранилась и быстро направилась к выходу. Вид парня ей не понравился: лицо напряженное, глаза пустые, губы поджаты, словно от злобы. Сердце девушки екнуло от недоброго предчувствия. «Лучше перестраховаться!» — в испуге завопил внутренний голос.

Два раза повторять ему не пришлось: девушка быстро направилась к выходу. Когда Снежана услышала позади себя торопливые шаги, она уже бежала, перепрыгивая через ступени. Что-что, а бегать она умела. Уже у самого выхода из парадного она споткнулась о валявшуюся картонную коробку. Быстро подняла упавшую сумку, которая не преминула рассыпаться из-за сломанной молнии. Снежана похватила вывалившиеся тетради и поспешила унести ноги.

Унылый дождь по-прежнему не прекращался. На город опустились сумерки, и зажглись фонари. Час пик уже прошел, но на остановках продолжал толпиться народ. Особо оживленной была площадь около метро. Люди торопились по своим делам, не глядя друг на друга и ничего не замечая вокруг.

Снежана выбралась на проспект и только здесь почувствовала себя в безопасности. Критически осмотрела свой, вернее чужой, наряд: красная юбка, расшитая ручной вышивкой, и теплая болоньевая куртка, к счастью, не пострадали. Эти вещи девушка позаимствовала у своей соседки по комнате, чтобы появиться в них в институте. Они были взяты, как обычно, без спроса, и поэтому в случае их порчи не обошлось бы без грандиозного скандала.

* * *

Середина сентября выдалась по-осеннему дождливой. Все реже сквозь облака пробивались солнечные лучи, напоминая о недавнем лете. Один-

надцатый час вечера, покинутые до утра, опустели улицы. Снежана шла без зонта под морозящим дождем, одетая в старую ветровку, оставшуюся еще с восьмого класса. Светлые волосы чуть ниже плеч, собранные в хвост, слегка намокли. Дождевые капли на щеках блестели в свете фонарей, придавая лицу трогательную свежесть. В свои восемнадцать лет девушка и так выглядела очень юной и привлекательной: большие выразительные глаза и чувственные губы-лодочки с приподнятыми кверху уголками.

Она возвращалась в общежитие после отработанной смены. Сейчас у нее было особенно хорошее настроение. На это имелось несколько причин. Сегодня Снежана была промоутером — стояла в гастрономе и предлагала попробовать сыры. Устала, но зато, наевшись на долгое время сыру и прихватив с собой трофейный кусок, заработала небольшую сумму. На эти деньги ей предстояло прожить несколько дней. Главное, что предложили работать дальше: пригласили в воскресенье на следующую рекламную акцию. Второй причиной для радости служил отъезд соседа по комнате. Они с утра собирались в Акуловку. Таня ехала домой и пригласила с собой Наташу. К этому времени они должны уже быть за пределами города.

Это значило, что предстоящие выходные пройдут в спокойной обстановке. Одна в комнате. Какое это удовольствие, когда никто не вторгается в твой мир и не портит настроение склоками! Самое приятное событие случилось около полудня. На физике Снежана сидела перед Денисом. Па-

рень учился в параллельной группе и никак не хотел обращать на нее внимания. С некоторых пор девушка заметила за собой, что часто думает о нем. Она сама не понимала, чем ей нравился этот отличник. Их объединяли редкие общие лекции и институтский коридор, в котором можно было невзначай столкнуться с предметом своих грез. Два раза поймала на себе его взгляд, и от этого ей стало особенно радостно. Нежное чувство не покидало весь день, оно и сейчас грело ей душу, отчего девушка продолжала витать в облаках. Сейчас она придет в свою комнату, переобуется в мягкие тапки, будет мечтать о Денисе и уснет со счастливой улыбкой.

На третьем этаже уже отмечали. Бренчала гитара, и что-то мычал солист — неразборчиво, но очень громко. На боковой лестнице о наступившей пятнице свидетельствовали разбитые пивные бутылки и залитые ступени. Миновав четвертый, «наркоманский» этаж, Снежана с удовольствием отметила, что на ее пятом пока не слишком шумно. Она добралась до своей комнаты и скрылась за дверь, запев ее на замок.

Как и ожидалось, Таня с Наташей уехали. Девушки не ладили со Снежаной. Этому обстоятельству последняя не огорчалась: соседки ей совершенно не нравились. Но напряженные отношения не мешали Снежане носить вещи своих неприятельниц.

Она сняла Танин синий свитер и аккуратно положила в шкаф, на то место, откуда брала его утром, когда ни о чем не подозревающая хозяйка вышла за порог. Как она поняла из разговоров накануне, соседки собирались ехать в поселок

сразу после занятий. Поэтому можно было смело надевать в институт чужую вещь, не опасаясь, что Татьяна обнаружит пропажу.

Снежана знала, что эта ее манера — брать чужое без спроса — неприличная. Но совесть ее не мучила. Более того, она была способна и на другие не слишком красивые поступки, например подслушать разговор. Своим действиям девушка всегда находила оправдание. Снежана боролась за жизнь, а цель оправдывала средства. В этой борьбе она была одна. Надо знать планы соседок, чтобы не проиграть в комнатной войне.

Почти все окружающие ее студенты в своей жизни не заработали и рубля. Кто-то катался, словно сыр в масле, как Наташа, у кого-то бюджет был скромнее, но в таких стесненных условиях, как Снежана, не находился никто. Она была белой вороной на фоне общего благополучия. Ни одна живая душа не желала поддерживать бедствующую сокурсницу. В общежитии к Снежане относились либо враждебно, либо подчеркнуто равнодушно. С бедными дружить неудобно, у них одни проблемы. Лучше вращаться в своем круге, чтобы не разделять чужих забот. Все считали свое материальное положение личным достижением, словно оно образовывалось не благодаря родительской опеке, а их собственным заслугам. Избалованные девицы кривили свои личики и демонстративно морщились при виде плохо одетой Снежаны. Не обремененные заботами, они собирались группами в общежитских коридорах и маялись от безделья. За пивом и сигаретами студентки по седьмому кругу перемывали всем косточки. Убогость Снежаны была отдельной и самой лю-

бимой темой разговоров. Здесь каждая находила, что сказать, и чувствовала свое превосходство уже хотя бы в том, что находилась в более выгодном положении. Окажись хоть кто-нибудь из них без родительской помощи, несомненно, пропали бы. Работать бы не пошли, а если бы кого и осенила такая идея, то вряд ли воплотилась бы. Еще надо найти эту работу, а найдя, трудиться и совмещать с учебой.

* * *

Юрий Рузанцев не помнил, когда еще он так работал. Картина писалась легко, будто бы кистью водила некая сила свыше, а он, художник, был лишь посредником при создании полотна. Чуть пригнутые ветром сосны, заброшенные рыбацкие лодки, опустевший берег Финского залива — в его воображении четко представлялось будущее произведение.

Был непривычен холодный климат. На его родине в это время еще загорают, а здесь проливные дожди. Несмотря на это, в Репино он мог бы провести всю жизнь.

Иногда он выезжал в Петербург. Юрий сразу очаровался этим городом. Ему нравилось в одиночестве бродить по набережным, любоваться мостами и строениями. Была в них какая-то притягательная сила. Живописец представлял, какие картины можно будет написать с видами города. У него появились особо любимые места и маршруты. Это прежде всего Летний сад и Заячий остров.

Юрий то тут, то там встречал своих коллег-ху-

дожников. Они устраивались с планшетами в каких-нибудь укромных уголках и трудились над своими шедеврами. Юрий ревниво заглядывал в чужие полотна. Прогуливаясь по Невскому проспекту, он набрел на выставку-продажу картин. Прямо на улице художники предлагали свои работы. Многие полотна были выполнены небрежно — сразу видно, писались без души, на продажу. Но кое-что ему приглянулось. Это были две картины. На одной изображен какой-то сквер, а на второй натюрморт. Хотя картины продавались с общего лотка, Юрий наметанным глазом определил, что их автор один и тот же. Он ненадолго задержался, любуясь творчеством талантливого художника.

— Как торговля? — спросил подошедший к прилавку паренек. На вид ему было лет шестнадцать. Длинные волосы собраны в хвост, застиранная футболка и сношенные китайские кроссовки. В руках юноша держал подранный пластиковый пакет.

— Я еще принес, возьмешь? — Он достал из пакета нечто, завернутое в газету.

Продавец — плотный мужчина в засаленном пиджаке — стал придирчиво разглядывать товар.

Под газетной упаковкой находилось настоящее чудо — написанный маслом женский портрет. Юрий стоял как завороченный. Это был шедевр: мягкие линии, тени — мастеру удалось передать свое настроение и характер героини. Несомненно, портрет был написан той же рукой, что и сквер с натюрмортом. Больше всего Юрия поразило лицо натурщицы: ее черты не были идеаль-

но красивыми, но казались очень знакомыми и близкими.

— Не пойдет, — вынес заключение торгаш, — эта тематика не пользуется спросом.

— Ну Леонидыч, — принялся уговаривать юноша, — можно дешевле, мне очень надо.

— Я что, бесплатно тут стоять должен? Никакой прибыли от твоей мазни.

Юрий подошел ближе.

— Сколько вы хотите? Я возьму.

— Сто пятьде... — собрался назначить цену парнишка, но Леонидыч его перебил:

— Триста.

Юрий не стал торговаться; за понравившуюся картину он готов был отдать гораздо больше.

* * *

За городом в это время года бывает особенно хорошо: прозрачный воздух осени, уже нет жары, но холода пока не наступили. Всюду тихо — пора отпусков и каникул закончилась, суетливые дачники появлялись лишь по выходным.

Андрей рассеянно смотрел по сторонам, когда ехали в Репино по Приморскому шоссе. Как давно он не бывал в этих местах не по служебной необходимости, наверно, лет пять прошло. Память унесла его в далекое и оттого нереальное время летнего отпуска.

— Можно считать, приехали! — Голос водителя разбудил задремавших оперативников. — Вон там, за поворотом, должен быть ваш адрес, а я дальше не повезу: в такое болото лучше не соваться.

Пассажиры выгрузились из «Нивы», обошли

через кустарник огромную лужу, перед которой остановилась служебная машина, и направились к дому, где мог оказаться их фигурант.

При повторном осмотре квартиры погибшей был найден листок бумаги с записанным на нем номером телефона. Номер числился за одним из домов дачного поселка Репино. Принадлежал этот дом некоему Роману Константиновичу Уварову. По оперативным данным, хозяин дачи уже долгое время находился за границей. Однако в его доме с некоторых пор кто-то проживал. Возможно, это родственники Уварова или квартиросъемщики, тем не менее нужно было узнать о появлении номера телефона репинской дачи в квартире убитой.

По указанному адресу располагался аккуратный каменный домик с низким металлическим ограждением. В саду никого не было. Поднявшись на крыльцо, Носов заглянул в окно и, никого не увидев, постучал в дверь. Ответа не последовало. Саша посмотрел на Атаманова, изобразив жестом действие, которое означало: товарищ майор, разрешите взломать.

— Тебе лишь бы имущество портить, — проворчал Андрей, шаря на ступенях. — На, открой лучше, — он протянул Саше ключ, найденный в одной из кастрюль, хранившихся здесь же, под навесом.

Деревянная дверь бесшумно отворилась, и оперативники вошли внутрь. В доме две комнаты, холл и небольшая кухня. Мебели не много — старая, но не изношенная. Судя по виду дачного дома, хозяин не бедствовал, но и к клану миллионеров не принадлежал. Обстановка выглядела

так, как будто бы владелец здесь бывал лишь наездами, когда появлялось время, и вовсе не относился к той части населения, которая, лишь только начинается сезон, едет на свои участки и до поздней осени проводит выходные на грядках.

В доме никого не оказалось, но было понятно, что здесь кто-то живет. Все указывало на присутствие постояльца: обувь в прихожей, небрежно брошенная на стулья одежда, посуда с остатками еще не засохшей пищи и продукты на кухне, пусть в малом количестве, но все же имелись.

— Молоко обезжиренное, йогурт без сахара, хлебцы ржаные, низкокалорийные, — огласил Юрасов содержимое холодильника. — Если бы не разбросанные мужские шмотки, я бы подумал, что здесь живет женщина — типичное бабское меню.

— Да тут целый гардероб Мариинского театра! — прокомментировал Носов, открыв платяной шкаф. На него вывалился ворох поношенных костюмов балерины.

— Лучше по делу что-нибудь ищите, — заметил Атаманов.

— Так я по делу, — возразил Саша. — Помните, пуговицу в квартире Зимовец нашли? Так вот! — Он вытащил из шкафа терракотовый пиджак и продемонстрировал обрывки ниток на месте верхней пуговицы.

— Да, пуговицы похожи, но это еще не факт. — Андрей посмотрел внимательнее. — Тоха, — обратился он к Юрасову, — найди понятых, я в начале улицы дачников видел, пусть поучаствуют в процессуальном действии.

— Смотрите! — снова раздался голос Носова. —
Это она!

— Кто — она? — спокойно спросил Андрей.

— Она, Лилия Зимовец!

— Ты совсем свихнулся? — отозвался из прихожей Антон и поспешил к Саше.

С картины, висящей на стене, слегка наклонив голову, на них смотрела молодая женщина.

— Похожа, — хмыкнул Юрасов.

— Точно она, — уверял Носов.

* * *

Юрий решил сегодня закончить раньше. День не задался: дождя не было, но небо хмурилось. Для его пейзажа нужны пурпурные полосы заката на фоне пушистых перистых облаков. Он задумал запечатлеть Финский залив именно таким, каким увидел его впервые: ровная спокойная вода с молочными бликами казалась зеркальной, небо на востоке уже темное, а в стороне, где виднеются белые юбки яхт, перламутрово-розовое. До этого дня погода стояла как по заказу, и Юрий работал запоем. Он с утра уходил на залив, взяв с собой болотный рюкзак, в котором, кроме рабочего инструмента живописца, размещались обед и ужин. Художник до того увлекался работой, что ему некогда было зайти на дачу перекусить; он ел там же, на берегу.

Сегодня Юрий, как обычно, спозаранку отправился к заливу. В этот раз он трудился над набросками причала и кромки берега. Изобразил изогнутые стволы сосен, крупный, смешанный с

почвой песок и старые, разваливающиеся доски причала. Картина была на треть готовой. Довольный собой, он стал собираться.

Зайдя во двор, подумал, что в доме кто-то есть. Откуда взялась эта мысль, он объяснить не мог. Когда открыл кастрюлю, в которой оставлял ключ, понял, что предчувствие его не обмануло — в доме гости. Это мог быть кто угодно: прежний постоялец, родственники Романа или, наконец, сам хозяин дачи.

Юрий толкнул незапертую дверь и вошел в дом. Он увидел долговязого мужчину, стоявшего в коридоре. Еще двое маячили в холле. Долговязый представился:

— Майор Атаманов, оперуполномоченный уголовного розыска. Попрошу ваши документы.

Майор предъявил удостоверение, в котором Юрий не успел ничего разглядеть — настолько быстро оно мелькнуло в руках у милиционера.

Он прошел в комнату и послушно достал паспорт.

— Юрий Николаевич, вам придется ответить на несколько вопросов, присаживайтесь. — Андрей указал Юрию на стул и сам уселся в кресло за письменным столом. — На каких основаниях вы здесь находитесь? Насколько мне известно, дом принадлежит не вам. — Андрей пристально посмотрел на художника.

— Роман разрешил, это хозяин дачи.

— С каких пор вы здесь проживаете?

— С начала сентября. Я думал, зарегистрироваться не обязательно, — стал оправдываться живопи-